

СОЮЗ ДВОРЯН

Union de la Noblesse
Russe

№126
2013-3

Париж

Союз дворян Union de la Noblesse Russe

ISSN 1760-9836

Bulletin de l'Union de la Noblesse Russe

Association Noblesse Russe Siège Social 9 rue d'Edimbourg 75008 Paris

Directeur de la Publication M. C Kisselevsky 9 rue d'Edimbourg 75008 Paris

Administration M. N Genko

Imprimé par nos soins

Commission paritaire des publications et agences de presse

Certificat d'inscription N° 0714 G 85412

Conditions d'abonnement pour 2012

4 numéros par an

France, Union Européenne.....20 euros

Autres pays.....30 euros

Par numéro6 euros.

Les demandes d'abonnement, ou de fourniture d'un numéro sont à adresser
à M. Kisselevsky avec joint un cheque à l'ordre de "Union de la Noblesse Russe"
et l'indication "achat du bulletin"

Routage par PARIS 14 CTC SR 206

Dépôt Légal N° 29415

ISSN 1760-9836

Союз дворян

UNION DE LA NOBLESSE RUSSE

N° 126

Bulletin intérieur de l'Union de la Noblesse Russe

www.noblesse-russie.org

"Union de la Noblesse Russe"

Adresse : 9 rue d'Edimbourg, 75008 Paris

Directeur de publication : C Kisselevsky

union.noblesse.russe@gmail.com

Parution trimestrielle

Prix du journal : Abonnement 20€ / an

CPPAP N° 0714 G 85412

Dépôt légal N° 29415

СОДЕРЖАНИЕ / SOMMAIRE

Избрание на царство Михаила Романова и преодоление Смуты <i>L'élection de Michel Romanov comme tsar et la fin du Temps des Troubles</i>	Борис Н.Морозов <i>Boris N.Morozov</i>	3
Кто и как создал миф об « отречении » Государя <i>Comment a été créé le mythe de « l'abdication » du Souverain (Nicolas II)</i>	Татьяна Л.Миронова <i>Tatiana L.Mironova</i>	14
Le chemin de fer transcaspien <i>Транскаспийская железная дорога</i>	Vicomte E-M de Vogüé <i>Виконт E-M de Вогюе</i>	22
Principales décisions prises aux Conseils tenus au premier semestre 2013 <i>Главные решения принятые Советом за первое полугодие 2013 г.</i>	Cyrille V.Kisselevsky <i>Кирилл В.Киселевский</i>	30

Dans le cadre du quatrième centenaire de l'avènement des Romanov, nous publions dans ce Bulletin, avec l'aimable autorisation de leurs auteurs, deux articles en russe qui ont fait l'objet de communications le 22 mars 2013 à la Bibliothèque Nationale russe.

Le premier rédigé par Boris Nicolaievitch Morozov explique comment et pourquoi le jeune Michel Romanov a été élu par les 700 participants (et peut-être plus) à l'Assemblée de 1613.

Le second article de Tatiana Leonidovna Mironova traite du mythe de « l'acte » d'abdication de Nicolas II.

ИЗБРАНИЕ НА ЦАРСТВО МИХАИЛА РОМАНОВА И ПРЕОДОЛЕНИЕ СМУТЫ

Мое сообщение мне хотелось бы начать с текста Утвержденной грамоты Земского собора 1613 г. об избрании на царский престол Российского государства Михаила Федоровича Романова. Как известно, грамота была составлена в двух экземплярах, подлинники, которых ныне хранятся в Музеях Московского кремля и в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки¹ Но эта грамота не только национальная историческая реликвия. На протяжении четырех веков она является одним из важнейших исторических источников трагических событий, происходящих в России в начале XVII в., известных под названием Смуты, и ее преодоления в 1613 г.

Текст этой грамоты не только основной юридический документ, утвердивший права на престол первого представителя новой царской династии Романовых, но и незаурядный памятник древнерусской литературы и публицистики, определивший официальную концепцию Смуты и ее преодоления и оказавший влияние на все последующие официальные и близкие к ним исторические сочинения: Сказание Авраамия Палицына, Хронограф редакции 1617 г., Новый летописей и др. Кроме того, копии грамоты (с сокращением текста), рассылавшиеся сразу после ее составления по городам, имели огромное агитационное значение, для утверждения новой династии, подчеркивали ее легитимность, основанную на родстве Романовых с последним представителем

¹ *Публикации:* Древняя Российская вивлиофика. Изд. 1-е. СПб., 1774. Ч. 5. С. 255–394; Изд. 2-е. СПб., 1788. Т. 8; Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1. № 203. С. 599–643; Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / Под. ред. С.А. Белокурова. М., 1904 (фототипическое издание, ныне экз. РГБ); Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / Под. ред. С.А. Белокурова. М., 1906 (текст).

московским Рюриковичей царем Федором Ивановичем, и единодушие соборного решения представителей всех сословий и регионов Российского государства. Вот текст из списка грамоты, посланной 25 февраля 1613 г. в Архангельск для распространения ее в Двинской земле:

“И всех чинов во всех людех от мала и до велика вместилося в сердца, чтоб обрати на Владимирское и на Московское государство и на все великие государства Росийсково царствия от племяни праведнаго и великаго государя царя и великого князя блаженные памяти Федора Ивановича всеа Руси, чтоб было вечно и поостоятельно так же, как при нем, великом государе, Росийское царство передо всеми государствами, аки солнце, сияло и на все стороны ширилось, и многие окрестные государи учинились у него, государя, в подданстве и в послушании, и некоторая кровь и война при нем, государе, не бывала - все есмы при его царской державе жили в тишине и во благоденствии...

И февраля в 21 день на Зборное воскресенье пришли в соборную церковь к Пречистой Богородице честнаго и славнаго ея Успения к митрополиту и ко всему освященному собору мы, бояре и околниче, и чашники, и столники, и стряпчие, и дворяне московские, и приказные люди, и дворяне из городов, и дети боярские всех городов, и головы, и сотники, и атаманы, и стрельцы, и казаки, и гости, и черных слобод, и всего государства Московсково всяких чинов люди и с сущими младенцы, и молили всемилостиваго Бога и Пречистую Богоматере, и великих московских чудотворцов с великим молением и воплем, чтобы всемилостивый Бог объявил, кому быти на Владимирском и на Московском, и на всех государствах Росийсково царствия государем царем и великим князем всеа Руси от племяни благовернаго и праведнаго государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси, чтобы по милости Божий вперед царская степень укрепилася навеки и всего государства Московского люди были в покое и во благоденствии под одним кровом и под царскою высокою рукою. И били бы челом великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси **племяннику Михаилу Федоровичу Романову** (выделено нами – Б.М.), чтобы он над Московским государством и надо всеми нами, Московского государства людьми, умилосердился, нас, сирых, пожаловал, всего народново моления и слезново рыдания не презрил, был на Владимирском и на Московском и на всех государствах Росийского царствия государем царем и великим князем всеа Руси. Чтобы во всем Росийском государстве всякие люди под одним кровом и под его царскою высокою рукою были и кровь бы крестьянская и

межусобьства его царским бодроопасным прародительством утолилося. И по милости всемогущаго в Троицы славимаго Бога его, государя Михаила Федоровича, на Владимирское и на Московское и на все государства Росийскаго царствия обрали государем царем и великим князем всеа Руси и крест ему, государю, целовали, что нам ему, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, служить и прямити, и с недруги его, государьскими и с неприятели государства Московского, с польскими, и с литовскими, и с немецкими людми, и с татары, и с ызменники, которые ему, государю, служить не учнут, битися до смерти...»²

Вместе со списками Утвержденной грамоты по городам рассылался и текст крестоцеловальной записи – присяги новому царю Михаилу Федоровичу, в котором также отразились итоговые решения Земского собора: «Служити мне ему, государю своему, и прямить и добра хотеть во всем безо всякие хитрости. Опричь его, государя, на Владимирское и на Московское государство и на все великие государства Росийского царствия иного государя из иных государств, литовского или немецкого короля и королевичей и царей и царевичей из иных земель и из русских родов никого, и Маринки и сына ея на Московское государство не хотети и государства под ним, государем, не подыскивати...»³ А в тексте присяги, принимаемой белозерцами, отразилась и одна из тяжелых реалий еще не преодоленной Смуты – оккупация шведами Новгородской земли: «Также мне, имрек, в Великий Новгород и в Корелу, и у Ноугородцкой и в Корельской уезд с немецкими воеводы с Яковом Пунтусовым с товарищи и с их неметцкими ратными людми ни о каких делех письмом и словом не ссылатся и в Новгород и в Корелу, и в Ноугородской и в Корельский уезд к немецким воеводам и к неметцким ратным людем не изменить и не отъехати»⁴.

Таким образом, закрепленная актами Земского собора концепция всенародного избрания новой династии Романовых, легитимной по родству с прежде многовековой династией московских великих князев и царей, прочно вошла не только в историческую литературу XVII в. (списки Нового Летописца и Хронографов распространялись в этом столетии очень широко и были доступны практически каждому грамотному человеку), но

² *Зимин А.А.* Акты Земского собора 1612-1613 гг. // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1957. Вып. 19. С. 188-192.

³ *Собрание государственных грамот и договоров.* М., 1822. Ч. 3. № 5. С. 14-15.

⁴ *Дополнения к Актам историческим.* СПб., 1846. Т. 2. № 1. С. 1.

и в, так называемое, историческое сознание народа. Но развивавшаяся отечественная историческая наука, особенно в начале XX в., расширяя круг источников для изучения событий Смутного времени, стала более внимательно исследовать свидетельства о сложной политической борьбе, предшествующей избранию царя Михаила Федоровича.

Этому способствовала публикация шведского историка Х. Альмквиста сообщений о работе Земского собора 1613 г., которые получал шведский наместник в Новгороде Якоб Делягарди (упомянутый выше «немецкий воевода Яковом Пунтусов»). Вскоре эти тексты, приобретенные дипломатом С.В. Арсеньевым, были опубликованы на русском языке известным историком Смуты С.Ф. Платоновым и широко вошли в научный оборот⁵. Публикацию Альмквиста тщательно изучил и дополнил новыми документами, хранящимися вместе с частью архива Делягарди в Юрьевском (Тартуском) университете Г.А. Замятин, готовивший там в 1910-е гг. свою магистерскую диссертацию о русско-польско-шведских отношениях в начале XVII в. Но диссертация была частично опубликована лишь в 1926 г. в трудах Воронежского университета⁶ (куда были эвакуированы в 1918 г. преподаватели из Юрьева). Вскоре ученый был репрессирован и сама тема внешнеполитического аспекта в политической борьбе в России за преодоление Смуты и избрании нового царя в советской историографии потеряла «актуальность».

Собственно сам термин «Смутное время» в течении многих лет не употреблялся в исторических исследованиях. В упрощенной марксистской историографии все события в России начала XVII в. сводились к крестьянской войне (которой, очевидно, не было, можно говорить лишь о социальном аспекте в полномасштабной гражданской войне) и иностранной интервенции. В данном сообщении, конечно, нет возможности осветить все подробности этих событий, но для правильного понимания сложной обстановки в начале 1613 г., необходимо напомнить, что шведская армия оказалась на Северо-Западе России в 1609 г. как союзник для борьбы поляками (противниками шведов) и их преверженцами (сторонниками Лжедмитрия II – тушинского вора). В свою очередь, московские бояре

⁵ *Арсеньев С.* Арсеньевские шведские бумаги 1611-1615 гг. // Сборник Новгородского общества любителей древности. Выпуск. V. Новгород. 1911.

⁶ *Замятин Г.А.* К истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронежского государственного университета. Воронеж, 1926. Т. III. В недавнее время диссертация была напечатана полностью в сборнике трудов ученого: *Замятин Г.А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за московский престол в начале XVII в. Падение кандидатуры Карла-Филиппа и воцарение Михаила Федоровича // Замятин Г.А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической истории СПб., 2008.

(пресловутая Семибоярщина – синоним антипатриотизма), обращаясь к кандидату на московский престол – польскому королевичу Владиславу, вынуждены были выбирать союзников среди двух польских группировок, вторая из которых (во главе с гетманом Яном Сапегой) поддерживала самозванческую авантюру – главную движущую силу кровавой десятилетней Смуты.

В недавнее время крупнейший отечественный исследователь внешнеполитических аспектов русской истории XVI-XVII в. Б.Н. Флоря в своей обобщающей статье «Избрание царя Михаила» в историческом журнале «Родина», специально посвященному юбилею прекращению Смуты и утверждению династии Романовых, вновь вслед за Г.А. Замятиным (уточняя его в некоторых сюжетах) подчеркнул, что кандидатура шведского принца Карла-Филиппа играла значительную роль накануне и в ходе работы Земского собора⁷. Эта фигура была важна и для руководителей Второго ополчения, в первую очередь, для князя Дмитрия Пожарского, искавшего альтернативу в политической борьбе с боярством делавшим ставку на польского королевича, и в целом нуждавшегося в поддержке власти Земского ополчения после вступления его в Москву. Еще в июне 1612 г., когда Ополчение стояло в Ярославле, туда приезжали послы из Новгорода с предложением избрать на русское царство сына шведского короля и уже затем двигаться на освобождение Москвы. Князь Пожарский, не отвергая эту кандидатуру, твердо стоял на позиции принятия шведским принцем православия (зная трудность для шведов принять такое решение, Пожарский все же рассчитывал, таким образом, выиграть время и заручиться союзом с врагами поляков). Переговоры с новгородцами продолжались и позже, а как свидетельствует донесение посланное из Москвы Делагарди шведским гонцом Г. Брюнно (найденное Замятиным), на первых заседаниях Земского собора в январе 1613 г., значительная часть рядовых участников Собора склонялась к кандидатуре принца Карла-Филиппа⁸.

С другой стороны в донесении Г. Брюнно содержится важная информация о выступлении уже в начале работы Собора казаков, выдвигавших своих кандидатов, сначала своего предводителя (по тушинскому лагерю и Первому ополчению) боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, а затем, после того как бояре отвергли его

⁷ Флоря Б.Н. Избрание царя Михаила // «Родина». 2013. № 2. С. 2-7.

⁸ Замятин Г.А. К истории Земского собора 1613 г. С. 71-72.

кандидатуру, сына также хорошо знакомого им патриарха Филарета – Михаила Федоровича Романова.

О роли «вольных» казаков в избрании на царский престол первого Романова в исторической литературе давно появлялись различные сведения. Еще Авраамий Палицын в своей «История в память предыдущим родом» (известной под названием «Сказание»), законченной уже по прошествии определенного времени после событий 1613 г. (возможно, около 1620 г.) и носившей во многом панегирический характер по отношению к новой династии (не исключено, что Палицын принимал участие и в написании текста Утвержденной избирательной грамоты 1613 г.), утверждал, что к нему во время февральского перерыва в заседании Земского собора наряду с «дворянами и детьми боярскими, и гостями многих розных городов» приходили и «атаманы и казаки» с требованиями избрать на царство Михаила Романова⁹. Классик нашей историографии С.М. Соловьев, в своей подробнейшей «Истории России с древнейших времен» уделившей описанию Земского собора 1613 г. довольно скромное место, вместе с тем сделал достоянием популярной литературы пересказ оригинального сообщения рукописного Хронографа князя М.А. Оболенского (в других Хронографах этого текста нет) о выступлении на Соборе некоего «донского атамана» о «природном царе Михаиле Федоровиче»¹⁰. Возможно, сопоставить это известие с донесением Г. Брюнно и отнести это выступление к началу работы собора, поскольку дальше идет речь об окончательном решении уже после приезда в Москву знатнейших бояр во главе с князем Ф.И. Мстиславским.

Новые возможности для анализа различных источников о предвыборной борьбе в Москве в начале 1613 г. дала находка и публикация в 1985 г. уникального исторического источника и яркого памятника древнерусской литературы Повести о Земском соборе 1613 г. (заголовок дан публикаторами)¹¹. Честь открытия этого небольшого текста, которое произвело тогда настоящую сенсацию, быстро вошло в научный оборот и стало цитироваться в вузовских и школьных учебниках (привлекая тем самым внимание

⁹ Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 232.

¹⁰ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1989. Кн. IV. С. 669-670.

¹¹ Станиславский А.Л., Морозов Б.Н. Повесть о Земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 89-96. Текст повести по новому третьему ее списку издан в сборнике: Хроники Смутного времени: Конрад Буссов, Арсений Елассонский, Элиас Геркман, "Новый летописец" / Сост. А. Либерман, Б. Морозов, С. Шокарев. М., 1998. С. 457-459.

публики к романовской теме), принадлежит выдающемуся знатоку источников по истории XVI-XVII вв. (особенно документов учета служилого сословия) профессору А.Л. Станиславскому. Он же явился и автором новой концепции Русской Смуты начала XVII в., изложенной в книге «Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории», вышедшей в 1990 г. (Увы, уже после безвременной кончины автора).

Повесть о Земском соборе 1613 г. была написана современником событий, вероятно простым московским горожанином (купцом, ремесленником, рядовым священнослужителем). Ее антибоярская направленность, несоответствие официальной версии безальтернативного избрания новой династии представителями всех сословий препятствовали ее распространению. Повесть показывает напряженную обстановку в Москве после ее освобождения Ополчением Минина и Пожарского. В столице сложилось своеобразное двовластие: формально власть принадлежала образованному Ополчением «Совету всея земли», который и организовывал созыв Земского собора, но по своей численности казаки, организованные в большой Казачий круг, во многом превосходили военную силу Ополчения – составлявшие его ядро многие провинциальные служилые люди, поспешили разъехаться в свои разоренные Смутой (в том числе теми же казаками) поместья.

Автор ярко описывает засилье казаков в городе: «И хожаше казаки во граде Москве толпами, где не двинутся в базар – человек 20 или 30, а все вооруженны, самовластны... А от бояр же чину никто же с ними вопреки глаголати не смеюще, и на пути встречающе и борже в сторону воротяще от них, но токмо им главы своя поклоняюще».¹²

В Повести названо самое большое, по сравнению с другими источниками, число первоначальных претендентов на российский престол: «первый князь Федор Иванович Мстиславской, второй князь Иван Михайлович Воротынской, третий князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, четвертый Иван Никитич Романов, пятый князь Иван Борисович Черкасской, шестой Федор Иванович Шереметев, седьмой князь Дмитрий Михайлович Пожарской, но и осьмый причитаючи князь Петр Иванович Пронской»¹³.

Исследователи, используя данный список, отмечали, что он мог сложиться в результате компромисса между Боярской думой и Земским ополчением – в его состав вошли как четыре представителя Семибоярщины (князя Ф.И. Мстиславский и И.М.

¹² Хроники Смутного времени. С. 457.

¹³ Там же.

Воротынский, бояре И.Н. Романов и Ф.И. Шереметьев), так и четыре представителя Ополчения (его руководители - князя Д.Т. Трубецкой и Д.М. Пожарский и служившие в нем знатные князя И.Б. Черкасский и П.И. Пронский)¹⁴. Как мы видим, имя Михаила Романова, сначала вообще не фигурировало. Известно также, что после того как оно было отвергнуто боярами на первом заседании Собора, казаки называли еще одного кабардинского князя (известного им также по Тушинскому лагерю) – Дмитрия Мамстрюковича Черкасского. Звучали на соборе и имена бояр - князя Ивана Васильевича Голицына (родственника известных деятелей Смуты князей Андрея Ивановича и Василия Васильевича Голицыных) и брата смещенного царя Василия – князя Ивана Ивановича Шуйского (он находился вместе с братом в польском плену). Конечно, шансы быть избранным имелись только у немногих лиц, обладающих реальной властью и имевших возможность заручиться поддержкой большинства членов Земского собора. Прозвучавшая в Повести идея возможного жребия из числа указанных восьми кандидатов, выдвинутая боярами, конечно, не могла серьезно рассматриваться (хотя случаи подобного избрания церковных иерархов на Руси известны).

Очень колоритно описание в Повести о Земском соборе 1613 г. пиров, которые устраивал князь Д.Т. Трубецкой у себя на кремлевском дворе (ранее принадлежавшем Борису Годунову) для агитации казаков в свою сторону:

«Князь же Дмитрий Тимофеевич Трубецкой учреждаше трапезы и столы честныя и пиры многия на казаков и в полтора месяца всех казаков, сорок тысяч, зазывая толпами к себе на двор по вся дни, честь им получая, кормя и поя честно и моля их, чтобы быти ему на Росии царем, и от них же, казаков, похвален же был»¹⁵.

Далее автор Повести - очевидец событий утверждал, что «казаки же честь от него принимаше, ядуще и пьюще и хваляще его лестию, а прочь от него отходяще в свои полки и браняще его и смеющеся его безумию таковому»¹⁶. Вероятно, что такое резкое изменение отношения казаков к своему бывшему командиру произошло во время двухнедельного перерыва в заседании Земского собора в феврале 1613 г., когда они окончательно решили поддержать одного из других своих кандидатов – Михаила Федоровича Романова.

¹⁴ Лисейцев Д. Демократия Смутного времени «Родина» 2013 №2 С 16.

¹⁵ Хроники Смутного времени. С. 458.

¹⁶ Там же.

Современные историки, отмечают, что объявление перерыва в заседании Земского собора для возвращения уехавших из Москвы знатнейших бояр (князя Ф.И. Мстиславского “с товарищи”), было ошибкой, руководителей ополчения, хотевших занять престол. Именно в это время окончательно сформировалась партия сторонников избрания царем молодого Михаила Романова. Вероятно ее возглавил боярин и воевода Федор Иванович Шереметев (сам недавний кандидат на престол), а идеологом стал влиятельный келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын (первоначально поддерживавший князя Д.Т. Трубецкого). В “романовский кружок” входил ряд представителей как знатных фамилий (князя Троекуровы, Лобановы-Ростовские, Хилковы Репнины, члены боярских родов Головины и Салтыковы), так и верхушки московского дворянства (Татищевы, Плещеевы, Дмитриевы, Бегичевы и др.). Их имена значатся в списке пожалованных землями, составленном сразу после возвращения в Москву уже избранного царем Михаила Федоровича. Но как видно из этого же списка, это были в основном молодые люди, которые вряд ли могли оказывать серьезное давление на участников Земского собора¹⁷.

Как же удалось романовской партии завоевать большинство Земского собора и окончательно привлечь на свою сторону казаков, которые (как описано в Повести) вынудили бояр и руководителей ополчения принять решение сразу после возобновлении заседаний 21 февраля 1613 г.?

Безусловно, в проромановской агитации главную роль играли не пиры, подобные пирам князя Трубецкого (современники упрекали в подобном расточительста и князя Пожарского), а умелое использование легенды о передаче престола царем Федором Ивановичем своему доюродному брату боярину Федору Никитичу Романову. Эта легенда (возможно, опиравшаяся на достоверные факты), была развита Авраимием Палицыным в его Сказании (которое, вероятно, начало создаваться уже в 1613 г.) в своеобразную концепцию Смуты: Господь наказал русских людей, за грех Бориса Годунова, репрессировавшего законных наследников престола – Романовых. Концепция приемственности власти, призванная

¹⁷ Подробнее см.: Тюменцев И. «Умом Миша молод, не дошёл...» // Родина. 2000. № 7. Риторическое название этой статьи, в которой это утверждение собственно и опровергается, взято из письма Ф.И. Шереметева князю И.А. Голицыну, которого любили цитировать советские учебники. Но очевидно, что этот документ, подлинник которого никто не видел, является фальсификацией.

доказать легитимность новой династии, закрепляется в Утвержденной избирательной грамоте Земского собора, с которой я начал свое сообщение.

Но и утверждение Грамоты 1613 г. о единодушном избрании царем Михаила Федоровича Романова представителями всего Российского государства не кажется риторическим преувеличением, даже после расширения нашего знания о перипетиях предвыборной борьбы и агитации за разных кандидатов. Избрание нового царя, которое в умах широких масс населения должно было символизировать окончание Смуты, могло произойти, как указывает Грамота, только «всенародным молением». Ни о каких подтасовках и искажения итогов (которых так боятся в современной России) не могла идти речь. Действительно, на членов Земского собора могло оказываться давление со стороны вооруженных толп казачества, врывавшихся в Кремль, но среди этих толп, очевидно, присутствовала и масса основного московского населения – посадских людей, также поддерживавших избрание царем Михаила Романова. Да и само «вольное» казачество в начале XVII в. в значительном числе пополнялось в центре страны за счет городского и сельского населения.

Но, очевидно, одну из главных ролей в воцарении династии Романовых, сыграла провинция – многочисленные регионы государства, приславшие своих кандидатов на один из самых представительных Земских соборов Древней Руси (на нем присутствовало не менее 700 человек). Регионы были кровно заинтересованы в прекращении Смуты – гражданской войны, когда один город воевал против другого¹⁸. Но окончательно освободиться от иллюзорной веры «в законного царя Дмитрия», могло только избрание легитимного монарха. И провинция поверила в законность избрания династии Романовых...

¹⁸ В свое время меня поразил текст уникальной грамоты 1606 г. жителям города Муром, которая является ответом царя Василия Шуйского на челобитную муромцев, просивших защитить их от соседних городов, признавших Лжедмитрия I и объявивших Мурому войну (Морозов Б.Н. Важный документ по истории восстания Болотникова // История СССР, № 2. 1985). Заголовок публикации – дань времени, в ней приведено также описание разгрома Коломны отрядами под командованием сына боярского Истома Пашкова, считавшегося соратником Болотникова, который, в свою очередь, будучи боевым холопом князя Телятевского, происходил из известной фамилии служилых людей и дьяков.

Академическая история Смутного времени в России в начале XVII в. пока еще не написана. Вероятно, понять все сложности в поведении людей того времени, как представителей верхов, так и низов, одинаково виновных в клятвопреступлениях,

убийствах и в других грехах, которые привели страну на край гибели, а затем объединившихся вне зависимости от сословий для единственного пути возрождения национального государства – освобождения Москвы и избрания законного царя, поможет микро история – тщательно изучение деятельности отдельных родов, семей, личностей. Это должно способствовать и укреплению национально-исторического сознания наших современников. Возможно, среди участников нашей конференции есть лица, чьи предки – рядовые служилые люди (их было большинство на Земском соборе 1613 г.) поставили свою подпись на Утвержденной грамоты об избрании на царский престол Российского государства Михаила Феодоровича Романова. А каково может быть удивление современных жителей маленьких русских городов (в древности уездных центров), если они смогут увидеть свои фамилии, среди посадских людей (мне, как генеалогу, хорошо известно, что такие фамилии продолжаютя в регионах, особенно на Русском Севере, до настоящего времени), поддерживавших основание династии 300-лет правившей Россией.

Б.Н.Морозов

с.н.с.,к.и.н.,доцент

КТО И КАК СОЗДАЛ МИФ ОБ «ОТРЕЧЕНИИ» ГОСУДАРЯ

Круг свидетельств Царствования Государя Николая Александровича, а именно самую державную деятельность Императора ставят Ему в вину хулители святой Семьи, этот круг источников очень велик. Кажется, все, кто ни соприкасался Царю и выжил после большевистского переворота, оставили свои записки, мемуары, отзывы. Немало свидетельств и дореволюционных лет. Самое ценное, что дошли до наших дней собственной руки Государя, Царицы, Великих Княжен дневники, переписка, пометы в книгах и документах, выписки из них. Мы читаем их сегодня опубликованными, преодолевая чувство неловкости вторжения в частную жизнь Царской Семьи - не для нас в письмах и дневниках поминается ими пережитое, но все же читаем, так как и письма, и дневники, и книжные заметки свидетельствуют о чистоте помыслов Государя лучше, чем любое измышление последующих летописцев, глубокомысленные опусы историков-комментаторов с осуждением того или иного поступка, политического решения Государя. Как же редки чистые, незамутненные издания, посвященные Государю, Его Семье, такие, как публикация Писем святых Царственных мучеников из заточения. Чаще же тексты писем и дневников искажены, дополнены измышлениями недобросовестных составителей, переводчиков или заведомо враждебных публикаторов, наглядный пример тому многотомная переписка Их Императорских Величеств, вышедшая в свет в 1923-1927 годах.

Рассмотрим же, кто берется свидетельствовать о царствовании Императора Николая Александровича. Среди свидетелей много сановников, бывших когда-то рядом с Государем, но служивших не Ему, не России, - служивших одному лишь своему тщеславию, заботившихся лишь о собственной карьере. Корыстью руководствовались они, хуже того, проводя политику иудо-масонства, противостояли Государю, искажая суть Его решений, противодействуя Его воле, а удаленные за это из Правительства, из окружения Царя, в утешение уязвленного самолюбия, в оправдание себя, клеветали на Государя, приписывая ему то скрытность, хитрость, непомерную жестокость, то, напротив, бессилие, безволие, бесхребетность.

Таков, к примеру, начальник Канцелярии Двора генерал Мосолов, до конца своих дней не избывший личных обид на Императора и Императрицу, жестко ограничивших его властные амбиции, а потом и вовсе отдаливших его от Двора. Мщеньем, неприязнью, злобой пропитаны все его мемуары, ставшие однако для многих исследователей авторитетным первоисточником: «Со дня заболевания Государя (в 1902-м году Николай Александрович болел тифом в Ливадии – Т.М.) Императрица явилась строгим цербером у постели больного, не допуская к нему не только посторонних, но и тех, которых желал видеть сам Государь...Увы. Горизонты мысли Государыни были много уже, чем у Государя, вследствие чего ее помощь ему скорее вредила». Насколько Мосолов объективен в своих оценках, можно судить по его же собственному признанию, как в 1916-ом году он пытался подкупить Григория Ефимовича Распутина, чтобы тот помог укрепить его, Мосолова, пошатнувшиеся позиции в глазах Императора. Затея не удалась, Мосолова удаляют от Двора и направляют посланником в Бухарест. Через несколько лет, уже в эмиграции, себе в оправдание Мосолов внесет свою лепту в историографию правления последнего Романова: «Он увольнял лиц, даже долго при нем служивших, с необычайной легкостью. Достаточно было, чтобы начали клеветать, даже не приводя никаких фактических данных, чтобы он согласился на увольнение такого лица... Менее всего склонен был Царь защищать кого-нибудь из своих приближенных... Как все слабые натуры, он был недоверчив».

Еще более откровенен в своей злобе на Государя, сполна выплеснутой в мемуарах, священник Георгий Шавельский, по должности протопресвитера русской армии и флота он виделся с Императором в Ставке в 1915-1917 годы. Сколько он мог видеть Государя, сколько времени наблюдал его, чтобы позволить себе судить о Государе, ко времени написания мемуаров уже убиенном в Екатеринбурге вместе с Семей, тоном снисходительной «объективности»: «Сам государь представлял собою своеобразный тип. Его характер был соткан из противоположностей. Рядом с каждым положительным качеством у него как-то уживалось и совершенно обратное – отрицательное». Каждое качество Государя оценено! Ведь так и пишет Шавельский – каждое! Спрашивается, когда же успел протопресвитер армии и флота так досконально изучить Государя, уж не за званными ли обедами и завтраками, на которые он удостоивался чести быть приглашенным и которые в деталях описал (и что подавали, и как сервировали, и что суп был всегда плох), но ведь именно эти доверительные подробности усыпляют бдительность скептически настроенного читателя и заставляют его без всякого отпора принимать и явную клевету, замаскированную под свидетельства очевидца, и даже абсурдные, противоречащие друг другу утверждения о якобы не замечаемом Императором кризисе в России и попытках его, Шавельского, открыть на это Государю глаза.

А сколько ссылок на Шавельского, как же – как же! свидетель, очевидец, на самом же деле – лжесвидетель, лжеочевидец. Видев лишь дважды Распутина, и то издавля, Шавельский уверенно повествует о его пьянстве в церковном доме «Трапеза», о том, как затем в квартире Вырубовой Императрица «подошла к его креслу, стала на колени и свою голову положила на его колени. «Слышь! Напиши папаше, что я пьянствую и развратничаю, развратничаю и пьянствую», - бормотал ей заплетающимся языком Распутин». В красках представленная сцена сопровождается невинной ремаркой Шавельского: «Меня так поразила тогда нарисованная о Васильевым картина, что я забыл спросить, **кто именно** рассказывал ему о происходившем в квартире Вырубовой». Такие вот мемуары – «свидетельства эпохи»!: кто-то сказал кому-то, а тот, кто это якобы передал – священник Александр Васильев, ко времени появления сочинения Шавельского уже скончался.

Как Шавельский разбирается в людях, насколько прозорлив и непредвзят, можно судить по описанному им самим разговору его с Царем о митрополите Питириме. «Самое ужасное в том, что на Петроградском митрополичьем престоле сидит негодный Питирим...», - убеждал Государя Шавельский. «Как негодный! У вас есть доказательства для этого?» - «Я более года заседаю с ним в Синоде и пока еще ни разу не слышал от него честного и правдивого слова. Окружают его лжецы, льстецы и обманщики. Он сам, Ваше Величество, лжец и обманщик. Когда трудно будет, он первый отвернется от вас». Митрополит Питирим остался в числе немногих верных Государю священнослужителей, а Георгий Шавельский сразу отрекся от Царя, после октября 1917-го года стал лидером «церковного большевизма», преобразованного в «обновленчество».

Стремление выгородить себя, очернив Императора, очевидно и в мемуарах великого князя Александра Михайловича. Понятна была его обида на Государя, который в соответствии с династической традицией Романовых жестко пресекал любые попытки политического влияния своих родных, поощряя их только к военной службе: «Я не могу позволить моим дядям и кузенам вмешиваться в дела управления». Но в кн. Александр Михайлович был неудачником и во всех военных начинаниях.

Его официальная записка о реформе русского военного флота, поданная Императору в дни восшествия Его на Престол, привела Александра Михайловича к немедленной отставке, так как предложенные великим князем проекты вели к разрушению морских сил. Второй попыткой «послужить Отечеству» явилась для Александра Михайловича организация «так называемой «крейсерской войны», «имевшей целью следить за контрабандой, которая направлялась в Японию» во время русско-японской кампании 1904-1905 годов. Своими неуклюжими действиями Александр Михайлович едва не спровоцировал тогда вступление в войну Англии и Германии. Наконец, назначенный в революционном 1905-м году командующим флотилией минных крейсеров Балтийского флота этот великий князь-флотоводец едва не стал заложником у взбунтовавшихся матросов собственного флагманского крейсера. И что делает великий князь? Бежит в 1905-м году из России! В пору тяжелейших для России испытаний пребывает с семьей во Франции – отдыхает, путешествует, развлекается с женщинами. «Я должен бежать. Должен». Эти слова как молоты бились в моем мозгу и заставляли забывать о моих обязанностях перед престолом и родиной. Но все это потеряло для меня уже смысл. Я ненавидел такую Россию».

Все это не помешало потом Александру Михайловичу, которому наскучили европейские «ежегодные программы», на правах ближайшего родственника (зять Царя!) явиться к Государыне и потребовать от нее ни много ни мало – «установления конституционной формы правления»: «В течение двадцати четырех лет, Аликс, я был твоим верным другом. Я и теперь твой верный друг, но, на правах такового я хочу, чтобы ты поняла, что все классы населения настроены враждебно к вашей политике... Я убежден, что если бы Государь в этот опаснейший момент образовал правительство, приемлемое для Государственной Думы, то это уменьшило бы ответственность Ники и облегчило его задачу».

Великий князь Александр Михайлович – изменник, и, чувствуя за собой грех, он выгораживает себя в воспоминаниях, обвиняя в разрушении Самодержавия Царскую Семью и Самого Императора. Чего стоит его мемуарная выдумка о «робости», «нерешительности», «слабости» Николая Второго, о его якобы признаниях в нежелании управлять Россией. Эти никогда нигде никем и ничем не подтвержденные слова Александр Михайлович не без удовольствия приписал Государю, и пошли они гулять из одного исторического сочинения в другое - невозможные в устах Наследника Престола, 17 лет готовившегося к Верховному управлению. Глупая трусливо-просительная, но заискивающая по отношению к Александру Михайловичу фраза: «Сандро, что я буду делать! Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помогите мне, Сандро!». И какое самодовольство «воспомятателя», мстительно тешившего свое самолюбие неудачника: «Я старался успокоить его и перечислял имена людей, на которых Николай II мог положиться, хотя и признавал в глубине души, что его отчаяние имело полное основание и что мы все стояли перед неизбежной катастрофой».

Александр Михайлович - один из многих членов Царской фамилии, открыто предавших своего Царя. Их последующая судьба – изгнание и забвение – закономерный, Богом данный конец за отношение к Трону. Их воспоминания и оценки Государя, власть которого они подгрызали из зависти, уязвленной гордости, притязаний на власть, а потом эту желчь, неудовлетворенное самолюбие сполна выплеснули в своих писаниях, такие их воспоминания не имеют документальной ценности, они лишь свидетельство низменности предательских натур, хоть и императорской крови.

Одна лишь Ольга Александровна, младшая сестра Государя, решилась впоследствии произнести покаянные слова о вине всей Царской фамилии: «Я снова скажу, что мы все заслуживаем порицания... Не было ни одного члена семьи, к которому Ники мог бы обратиться... Какой пример мы могли дать нации?».

Не могут считаться достоверными и воспоминания царских генералов, которые, искажая правду, предавая истину, выгораживают себя, оправдывая свою измену Трону и Присяге. Вина армии, как и вина священства, и членов царской фамилии, - все они особо присягали на верность Государю и Его Наследнику перед Крестом и Св. Евангелием, - уже в первые дни после отречения была столь очевидной, и затем так явно была осознана русскими в эмиграции, что многие офицеры-клятвопреступники и изменники-генералы поспешили оправдаться в мемуарах, но оправдаться можно было только одним - чернить Императора и Императрицу, возлагать на них ответственность за гибель Империи. Начальник Штаба главнокомандования Северным фронтом в 1914-1917 гг. генерал Ю.Н. Данилов опубликовал в Берлине свои мемуары, где попытался доказать, что отречение явилось не в результате заговора главнокомандующих во главе с Алексеевым и революционного Временного комитета Госдумы, т.е. «не в качестве принудительного революционного действия», но отречение Императора – это «лояльный акт, долженствовавший исходить сверху и казавшийся наиболее безболезненным выходом из создавшегося тупика».

Этот генерал, по отзывам сослуживцев, «крайне властный, самолюбивый, с очень большим о себе мнением», в бытность великого князя Николая Николаевича верховным главнокомандующим занимал должность генерал-квартирмейстера Ставки и в дни успехов на фронте «изображал из себя чуть ли не гения, великого полководца, и это было уж слишком». При смене командования, когда Верховным стал Государь, Данилова не оставили в Ставке, ему предложили дивизию, чем «гений» полководческого искусства был страшно обижен, упросил дать ему корпус, но очень скоро поместился в удобной и престижной должности начальника Штаба командования Северным фронтом, однако злобу на Государя затаил и в феврале 1917-го года ее сполна выместил.

Смута, поднятая изменой генералитета армии, и генерала Данилова в том числе, разметала Императорскую Россию в клочья, и Данилов хотел, рвался оправдаться, силился показать, доказать, что в дни отречения, а Данилов присутствовал на всех переговорах Императора с Рузским, Гучковым, Шульгиным, «не было ни измены, ни тем более предательства». Слова Государя Николая Александровича «кругом измена, и трусость, и обман» бередили совесть многих предателей. И, чтобы снять с себя обвинение в тяжком преступлении, Данилов утверждает, что отречение Государя было добровольным, потому что, во-первых, «с ночи на 1 марта в царских поездах не существовало настроения борьбы и в ближайшем к царю окружении только и говорили о необходимости «сговориться с Петроградом», во-вторых, начальник Штаба Верховного главнокомандующего Алексеев, равно как и главнокомандующие фронтами вовсе не понуждали Государя к отречению, они лишь представили «честно и откровенно свои мнения на высочайшее воззрение», и ни слова о наглом предложении изменника Рузского Царю – «сдаться на милость победителя», напротив, Данилов сетует, что «людская клевета и недоброжелательство пожелали превратить честного и прямолинейного генерала Рузского в недостойную фигуру распоясавшегося предателя» .

Данилов лжет, что генералы Алексеев и Рузский, и он, Данилов, лишь «присоединились» к мысли об отречении, «высказанной по этому поводу М.В. Родзянкой», а Алексеев «передал ее на заключение командующих фронтами». На самом

деле телеграмма Алексеева командующим содержала вопрос с уже подсказанным ответом: «Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения».

Впрочем, в воспоминаниях А.А. Брусилова есть еще одна интересная подробность «запроса» Алексеева к главнокомандующим: «Временное Правительство ему объявило, что в случае отказа Николая II отречься от Престола оно грозит прервать подвоз продовольствия и боевых припасов в Армию, поэтому Алексей просил меня и всех главнокомандующих телеграфировать Царю просьбу об отречении».

Поскольку Брусилов в своих воспоминаниях не оправдывался за отречение (он писал их в 1922-м году для большевиков), можно доверять этому свидетельству о преступном шантаже Алексеевым главнокомандующих фронтами. И, прислав эти изменнические «воззрения», «невинный» Алексей следом шлет «проект манифеста на случай, если бы Государь принял решение о своем отречении в пользу цесаревича Алексея». А Рузский спешит заставить Государя поверить в безвыходность положения, лжет о движении на Псков броневых автомобилей с восставшими солдатами, лжет о восстании гвардейских полков, посланных Императором на усмирение Петрограда (это генерал Алексей запретил генералу Иванову, которому Царь лично приказал идти на Петроград, выполнять приказ Монарха). Рузский пытается запугать Царя возможным кровопролитием в Царском Селе, тем что Москва охвачена революцией...

Но главное, что придумали себе в оправдание заговорщики, и Данилов в том числе, стремясь подчеркнуть официальный характер происшедшего, а не насильственное закулисное выкручивание рук Императору, - лжёт о том, что Государем был составлен и подписан **Манифест об отречении от Престола**.

История с так называемым Манифестом об отречении Государя Николая II крайне запутана всеми свидетелями этого страшного для России события именно потому, что все они соучастны в клятвопреступлении, в насильственном сведении Императора с Трона. Пленившим Государя во Пскове изменникам-генералам и думским масонам нужно было добиться от Царя именно манифеста об отречении, чтобы создать видимость добровольной сдачи страны революционерам. Причем манифест задумывался заговорщиками с передачей власти наследнику – маленькому Алексею Николаевичу, которого легко потом устранить, заменить, наконец, уморить, сославшись на неизлечимую болезнь ребенка. Николаю Александровичу была памятна судьба царевича Димитрия, якобы наткнувшегося на нож в припадке болезни. Государь ломает масонский «сценарий» переворота, заявив о передаче Престола брату Михаилу. Государь намеренно поступает противозаконно, имитируя передачу Царской власти, минуя законного Наследника. Он легко соглашается подписать незаконный документ, который все «свидетели отречения» называют «Манифестом», но который на самом деле представляет собой телеграмму в Ставку единственному адресату – генералу Алексееву. Текст этой телеграммы под видом Манифеста торжествующий Алексей спешно разослал в войска, и трагедия Армии в том, что она не услышала призыва Государя к войскам – спасти Трон.

Что данная телеграмма Алексееву не является Манифестом об отречении, сразу бросается в глаза. В ней *отсутствует целый ряд полагающихся Манифесту формальных признаков*. Вот как, к примеру, был оформлен Высочайший Манифест об объявлении войны Германии: *Вступление*: «Божиею Милостию, Мы, Николай II, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая и прочая, и прочая. Объявляем всем верным Нашим подданным...» - далее следует текст Манифеста, и *заключение*: «Дан в Санкт-Петербурге, в двадцатый день

июля, лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое, Царствования же нашего в двадцатое». В телеграмме отсутствует формальная *контрассигнация, необходимая для манифеста*: «На подлинном Собственно Его Императорского Величества Рукою подписано: НИКОЛАЙ». Даже сама подпись Государя на телеграмме, выдаваемой за Манифест об отречении, *сделана карандашом*, хотя и залакирована верниром, но не по форме удостоверена министром Двора Фредериксом, причем эта подпись графа Фредерикса на документе почему-то не сохранилась.

Подлинный Манифест *мог вступить в силу только после его опубликования в соответствующем виде и в официальной печати*. Понимая это, генерал Рузский до приезда Гучкова и Шульгина на вопрос Фредерикса, как оформить детали, связанные с актом отречения, ответил, что «присутствующие в этом некомпетентны, что лучше всего Государю ехать в Царское Село и там все оформить со сведущими лицами». Однако уже Гучков настоял на немедленном подписании Отречения, словно не замечая его незаконной формы, – плотный телеграфный бланк со странным для всенародного обращения покидающего Трон Императора адресом: «Ставка. Начальнику Штаба». Изменники торопились, до Царского Села далеко, там, глядишь, сыщутся верные Царю генералы, офицеры и войска, ведь признавали потом, после большевистского переворота, генералы-клятвопреступники: «Враги Рузского говорят, что он должен был ... указать Родзянке, что он изменник и двинуться вооруженной силой подавить бунт. Это, как мы теперь знаем, несомненно бы удалось, ибо гарнизон Петрограда был не способен к сопротивлению, Советы были еще слабы, а прочных войск с фронтов можно было взять достаточно». Торопясь, хватают Гучков с Шульгиным телеграфный бланк, оставив дубликат, – такой же бланк с таким же текстом на хранение Рузскому, и мчатся в Петроград – объявлять о своей победе.

Словом, так называемое «отречение» Николая Второго – незаконный документ, намеренно составленный Императором с нарушением законов и по содержанию, и по форме. И многочисленные свидетельства о его законности и о добровольном сложении Государем Николаем Александровичем своих Царских полномочий есть сознательная фальсификация истории нарушившими долг и Присягу участниками событий.

Вот почему генерал Данилов упорно твердит о двух экземплярах именно **манифеста!** Ему очень нужно создать эту легенду о манифесте, чтобы все, что натворили Рузский и Гучков, он и Шульгин, имело бы хоть малую видимость законности. Уже 2 марта 1917-го года Данилова очень тревожила «юридическая неправильность» содеянного: «Не вызовет ли отречение в пользу Михаила Александровича впоследствии крупных осложнений в виду того, что такой порядок не предусмотрен законом о престолонаследии?». Дальнейший сценарий гибели Трона при передаче его Наследнику Алексею Николаевичу был четко прорисован В.В.Шульгиным, еще одним преступным организатором трагедии под названием «отречение»: «Если придется отречься и следующему, - то ведь Михаил может отречься от престола... Но малолетний наследник не может отречься – его отречение недействительно. И тогда что они сделают, эти вооруженные грузовики, движущиеся по всем дорогам? Наверное, и в Царское Село летят – проклятые... И сделались у меня: «Мальчики кровавые в глазах». Вот что замыслилось революционерами, вот от чего спасал своего Сына и Трон Государь. Недаром Императрица Александра Федоровна безоговорочно приняла такое решение мужа: «Я вполне понимаю твой поступок... Я знаю, что ты не мог подписать противного тому, в чем ты клялся на своей коронации. Мы в совершенстве знаем друг друга, нам не нужно слов и, клянусь жизнью, мы увидим тебя снова на твоём Престоле,

вознесенным обратно твоим народом и войсками во славу твоего Царства. Ты спас царство твоего сына, и страну, и свою святую чистоту, и... ты будешь коронован Самим Богом на этой земле, в своей стране».

Недаром и Керенский, и Милюков, и Родзянко были так огорошены неожиданным текстом Царской телеграммы в Ставку и постарались спрятать ее, не объявлять, не публиковать, пока не получают «отречение» от великого князя Михаила Александровича. Милюков говорил: «Не объявляйте Манифеста... Произошли серьезные изменения... Нам передали текст... Этот текст совершенно не удовлетворяет...». А вот свидетельство о том же генерала Вильчковского: «В пятом часу утра Родзянко и князь Львов вызвали к аппарату Рузского и объявили ему, что нельзя опубликовывать манифеста об отречении в пользу великого князя Михаила Александровича, пока они это не разрешат сделать., для успокоения России царствование Михаила Александровича «абсолютно не приемлемо».

Замысел Государя верно понял Шульгин, и позже объяснял это, заодно выгораживал себя и выставлял себя чуть не соратником Императора: «Если есть здесь юридическая неправильность... Если государь не может отречься в пользу брата... Пусть будет неправильность! Может быть, *этим выиграется время*... некоторое время будет править Михаил, потом, когда все уgomонится, выяснится, что он не может царствовать, и *престол перейдет к Алексею Николаевичу*».

Итак, документ, содержащий якобы «отречение» Императора Николая Второго, намеренно составлен Государем с нарушением Законов Престолонаследия, что было очевидно для большинства участников заговора. С какой целью Государь составил этот незаконный документ, подложно названный Даниловым, Шульгиным, Гучковым и другими заговорщиками «манифестом»? Во-первых, незаконная передача власти, минуя Наследника Престола, должна была призвать Армию исполнить Присягу и восстановить Самодержавие. Во-вторых, следующий свой удар революционеры должны были обрушить не на законного Наследника Престола – Алексея Николаевича, а на Михаила Александровича, который, по призыву своего брата обязан был принять бой, оттянуть время, пока накал петроградской уличной стихии не стихнет, недаром, были потом признания: «нас раздавил Петроград, а не Россия». Толпа, как известно, бунтует не долго, и скоро растекается по домам, к женам, детям, к привычному труду. Но Михаил Александрович подчинился не воле Брата, а заговорщикам, которые ему угрожали. Они торопились «сломать» волю и без того неволевого Михаила, не понявшего ни в тот момент, ни потом своей жертвенной роли, предначертанной ему Царственным братом для спасения России и Самодержавия. Он испугался угроз Керенского, который, истерически заламывая руки, и было отчего паниковать Керенскому, в случае возвращения законного Царя – Керенского-Кирбиса ждала петля, и этот присяжный поверенный кричал великому князю, «каким опасностям он лично подвергнется в случае решения занять Престол: «Я не ручаюсь за жизнь вашего высочества...». В-третьих, Государь спасал не Сына, не Себя, составляя этот документ. Император спасал Свое Самодержавие и Свой Трон. Он должен был вернуться на этот Трон, возвращенный на него народом и верной присяге Армией. Допустить цареубийства Государь не мог из сострадания к своему народу, который бы весь подпал под клятву Собора 1613-го года...

В 1927-м году большевики опубликовали все изданные к этому времени воспоминания о свержении монархии под названием «Отречение Николая II», сопроводив их предисловием еврейского публициста Михаила Кольцова, который злорадно, но очень точно написал об этих днях: «Нет сомнения, единственным

человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам монарх. Спасал, отстаивал Царя один Царь. Не он погубил, его погубили».

Как бы мемуаристы-лжесвидетели ни старались затушевать свое участие в уничтожении Императорской России, перекладывая вину за падение Трона на Государя, сочиняя небылицы о его характере, манерах, воспитании, поступках, плетя паутину ложных фактов, но преступный образ их мысли, зависть или просто возбужденная врагом рода человеческого ненависть к святому Царю выдает их с головой и подрывает историческую достоверность их воспоминаний.

Череда прошедших здесь лиц – неудовлетворенный карьерным ростом царский чиновник (сколько их было, спешно покидавших Александровский Дворец в те горькие мартовские дни 17-го года), священник, не верующий в святость Помазанничества Божия, а стало быть, и в Самого Господа (отрекшиеся от Царя попы не редкость, а правило в 17-м году), завистливый и неудачливый зять – член Императорской Фамилии (среди родственников предательство и осуждение Царя было поголовным), наконец, уязвленный отстранением от высокого поста армейский генерал (все командующие фронтами и флотами были повинны греху цареборчества). Сколько их, присягавших Государю и Наследнику клятвопреступников взялось потом оправдывать себя. А теперь их заведомую ложь мы именуем «документами эпохи» и верим этой лжи больше, чем свидетельствам людей, оставшихся верными Присяге. Дескать, верные царские слуги любили Царскую Семью, были ей обязаны своим благоденствием, и из любви и благодарности приукрашивали факты, умалчивая о недостойном. А эти – «свидетели», относившиеся к Государю и Государыне «критически», - высказывают-де «непредвзятые мнения». Но в том-то и дело, что суждения о Государе изменников и предателей, завистников и карьеристов (в большинстве своем масонов, сознательных участников заговора против Самодержавия в России) – самые что ни на есть предвзятые, они высказываются лишь с одной целью: переложить на Царя вину за собственные грехи перед Богом и перед Родиной.

Древнее православное правило «прежде смерти не блажи никого» только сейчас позволяет оценить низость измены и клеветы этих свидетелей. Смерть грешников люта. Это псаломское слово свято исполнилось надо всеми, преступившими Царскую Присягу.

Татьяна Леонидовна Миронова
 Доктор филологических наук
 Главный научный сотрудник РГБ

LE CHEMIN DE FER TRASCASPIEN

Автором этой статьи, отрывок из книги «Современные представления», является виконт Ёжен-Мельхиор де Вогюе. Он вел дипломатическую и литературную карьеру. Работал секретарем посольства в Каире и в Санкт-Петербурге, венчался в 1878 году в часовне Зимнего Дворца с Александрой Анненковой, сестрой генерала Михаила Анненкова, основателя транскаспийской железной дороги. Вскоре он оставил дипломатическую работу, чтобы посвятить себя литературе. В 1886 году он опубликовал свое основное произведение «Русский роман», в котором он представил французскому мнению интеллектуальные и духовные богатства России. Благодаря этой книге он был избран во Французскую Академию в 1888 году.

Мы благодарим Жерара Андреоли и Нестора Генко за то, что они нам дали возможность ознакомиться с этой книгой, несколько отрывков, которых мы приводим ниже.

L'auteur de cet article extrait du livre paru sous le titre « Spectacles contemporains » est le vicomte Eugène-Melchior de Vogüé. Il fit une carrière diplomatique et littéraire. Secrétaire d'ambassade au Caire et à Saint-Petersbourg, il épousa en 1878 dans la chapelle du Palais d'Hiver Alexandra Annenkof, sœur du général Michel Annenkof, créateur du chemin de fer transcaspien. Il quitta peu après le service diplomatique pour se consacrer à la littérature. Il publia en 1886 son œuvre principale «Le roman russe» qui révéla à l'opinion française les richesses intellectuelles et spirituelles de la Russie. Ce livre contribua à son élection à l'Académie Française en 1888.

Nous remercions ici Gérard Andréoli et Nestor Genko de nous avoir fait connaître ce livre dont nous publions ci-dessous quelques extraits.

Ouzoun-Ada (au bord de la mer Caspienne)-22 mai 1888

Depuis douze jours, je roule ou flotte de la gare de l'Est à celle d'Ouzoun-Ada, tête de ligne du chemin de fer asiatique sur la rive orientale de la Caspienne.

Je ne vous la décrirai pas, cette longue route. Les steppes russes, j'en ai si souvent parlé ! Le Caucase, je le visiterai à mon retour, je n'ai fait que le traverser en courant, car il fallait arriver à Bakou pour le départ du bateau.

Il m'en reste aujourd'hui des visions de cimes fantastiques, la nuit, dans une tourmente de pluie et de vent, la galop fou des petits chevaux de montagne emportant la voiture à travers les torrents grossis, sur les lacets de la route militaire, jusqu'à la tranchée creusée dans les neiges au col Goudaour, à 8000 pieds d'altitude. Au pic du Kazbek, je m'étais arrêté pour quelques heures dans l'auberge de la poste ; je relisais des vers de Lermontof, le poète qui a donné une âme aux monts du Caucase. Si beau qu'il soit, un lien n'a de valeur pour nous qu'à partir du jour où un homme lui a donné une âme, en fixant dans une forme d'art l'écho prolongé d'un cri de passion. Ma lecture fut interrompue par un jeune officier russe, qui était cette nuit-là le

seul hôte de l'auberge du Kazbek : apprenant qu'un Français se trouvait de passage dans la montagne, il n'y avait pas tenu, il venait me demander quelques détails sur le Général sonore. A 8000 pieds, dans les défilés de la Géorgie, ne pas pouvoir lui échapper, c'est sévère. Et c'était le quatrième qui me questionnait ainsi depuis mon départ de Rostof, la veille ! Que répondre à ces étrangers ? Leur montrer la cime de l'Elbrouz, qu'on aperçoit de toute la contrée, leur demander pourquoi Prométhée y fut enchaîné ?

Une journée de descente dans les tièdes vallées du versant méridional m'a conduit à Tiflis, juste à temps pour monter dans le train spécial que l'excellent M. Skatkovsky, l'ingénieur en chef du Caucase, avait mis à la disposition des invités d'Annenkof. De Tiflis à Bakou, le chemin de fer roule dans les forêts et les rizières, le long de la Koura, entre deux murailles neigeuses, celle des monts d'Arménie à droite. N'était le radieux soleil qui verse sur nous la lumière d'Asie, on se croirait dans une plaine lombarde, au pied des Alpes. Aux approches de la Caspienne la végétation disparaît, la terre se désole, les grêles panaches roses des tamaris percent seuls la croute saline où jouent des mirages lointains. L'empire de feu commence. Bakou surgit sur une grève brûlée ; elle pourrait servir pour une illustration de l'Enfer de Dante, cette ville noire, cuirassée de tours de fonte, écrasée sous son dais de flammes et de fumée ; Sodome moderne, enrichie par le feu souterrain qui détruit l'autre. Tout pour le pétrole et par le pétrole, c'est la devise de l'étrange cité. J'y reviendrai plus à loisir ; le bateau chauffé, il nous emporte, l'odeur du naphthe nous poursuit sur la mer, les flaques d'huiles minérales courent après nous sur les vagues qu'elles souillent.

L'Asie et l'Europe se rejoignent et fusionnent à bord de la *Caspia*, le petit steamer de la Compagnie Caucase et Mercure qui fait le service entre Bakou et Ouzoun-Ada. Sur le pont, le grouillement pittoresque et multicolore de tous les bateaux d'Orient ; des Lesghiens hérissés de poignards damasquinés, des Turcomans en robes bleues, un harem persan enveloppé dans ses cotonnades roses, des Juifs qui vont examiner ce qu'on peut gagner dans le nouveau monde entr'ouvert, des Arméniens qui se promettent de rouler les Juifs, et qui y parviendront peut-être. Entre les paquets de tapis et de guenilles amoncelés sur l'avant, sortent des têtes et des jambes appartenant à toutes les variétés ethnographiques de l'Iran et du Tourân. Mes compagnons y découvrent un marchand de Khokand qui parle un peu notre langue : après un long séjour à Moscou, il retourne dans sa patrie, il y portera ces petites graines perdues de notre âme de France.

Voici le phénomène russe par excellence, toujours si intéressant à étudier : un groupe de paysans de Tambof, hommes, femmes et enfants, 35 personnes en tout, émigrent en Asie centrale ; les moujiks ont vendu leurs lopins de terre et leurs maisons ; ils étaient « à l'étroit », comme ils disent, ils vont à la recherche de « l'endroit où l'on sera mieux ». J'interroge le chef de la bande, un gaillard intelligent et hardi, je lui demande s'ils n'ont pas regret de la patrie ; il étend le bras vers l'Orient et répond tranquillement : Ma patrie marche avec moi. » C'est tout le mot de la Russie.

A l'arrière, des officiers, des ingénieurs devisent gaiement avec une jeune veuve qui se rend en Perse, à l'unique fin d'élever un monument sur la tombe d'un mari laissé là-bas. Le trait est rare et beau, il ne fallait pas le passer sous silence. Les photographes de l'expédition travaillent déjà. Oh ! les photographes et leur groupe obligatoire ! Ce sera le fléau du voyage. D'autant plus dangereux qu'ils se disent instantanés, après quoi ils ajoutent pendant une demi-heure : « Ne bougeons plus. » Enfin notre bande française, qui représente seule l'élément étranger ; elle est gaie, nombreuse, elle semble parfois absorber l'élément russe, tant notre langue et notre esprit sont naturellement envahissants. En s'asseyant à la table de la *Caspia* on se croirait plutôt à un *mess* de garnison, un jour où il y aurait des invités.

Le bateau qui nous y portait glissait dans la nuit sur des eaux glauques et mortes, jaunies par la lune, semblables à cette autre mer d'huile qu'elles recouvrent et compriment sur toute l'étendue de leur bassin. La Caspienne n'a pas justifié sa mauvaise réputation ; après dix-huit heures d'une traversée tranquille, la pointe du grand Balkan nous a signalé la terre, le matin du 22 ; vers dix heures, nous nous engageons dans une passe peu profonde, entre de petites îles.

Du bleu, pâle et doux sur la mer Persane, comme celui des turquoises de Chirâz ; de l'or vif, une mince ceinture de sables incandescents ; du bleu encore, ce dernier pâli jusqu'au blanc dans le ciel torride. Rien de plus, ni couleurs, ni choses, ni êtres. C'est la baie d'Ouzoun-Ada. Derrière cette bande de sable, dans les fonds de ce ciel, l'Asie antérieure, les immenses régions vagues qui font rêver sur la carte, tout à tour affreusement vides ou pullulantes d'hommes singuliers, jusqu'à la mer de Chine. Le bateau approche ; quelques points noirs tachent la zone d'or ; ce sont les baraques et les appontements du petit havre, né d'hier sur la grève déserte. Nous mouillons contre une estacade où les balles de coton sont cueillies par des portefaix taillés en plein bronze, à demi nus sous leurs larges turbans, des Turcomans de la frontière de Perse.

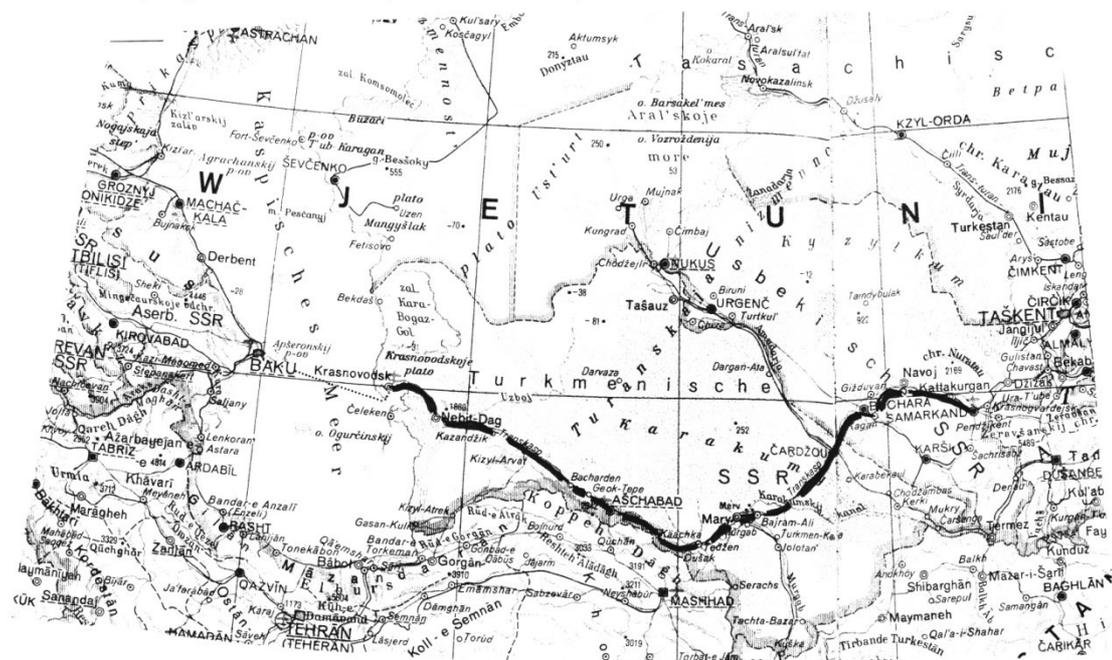
Tandis qu'on forme le train, nous visitons Ouzoun-Ada. C'est vite fait. Quelques maisonnettes de sapin apportées de Russie, posées à même le sable ; pas un brin d'herbe au flanc des dunes, pas une goutte d'eau. La source la plus prochaine est à Kazandjik, à 160 kilomètres. On se sert d'eau de mer distillée. Une maison un peu plus apparente que les autres, celle où habitait Annenkof pendant la période de construction. On y a pratiqué des chambres en sous-sol pour trouver une fraîcheur relative ; nous sommes en mai et le thermomètre marque 40 degrés à l'ombre. Cette demeure abrite aujourd'hui l'ingénieur en chef de la section.

Il nous y reçoit ; je jette un coup d'œil sur sa bibliothèque, constatation toujours intéressante, surtout dans une cellule au désert ; on y devrait trouver la *Vie des Saints*, suivant le vœu du philosophe ; ce n'est pas celui de l'ingénieur. Il console sa solitude avec un volume russe de Tolstoï et deux volumes français de M. Ohnet : *la Comtesse Sarah* et *Lise Fleuron*. A Ouzoun-Ada ! Qu'on nie encore la puissance d'expansion des lettres françaises !

Nous montons dans des wagons de marchandises, où l'on vient d'improviser des salons à notre usage avec des bancs recouverts de tapis tekkés. Le train qui devait nous recevoir attend à Kizil-Arvât, une trombe d'eau ayant endommagé la voie près de cette station. On nous prédit un long retard de ce chef. Nous verrons bien. En attendant, nous voilà partis, engouffrés dans les collines de sable, sur le rail qui va développer jusqu'à Samarcande ses 1350 verstes de longueur. Rappelons-nous seulement que le chemin de fer transcasprien fut établi jusqu'à Kizil-Arvât, en 1880, pour assurer les derrières de l'armée de Skobelef, engagée contre les Turcomans de l'Akkal-Tekké. L'initiateur du projet lutta énergiquement dès le début contre les partisans de la voie étroite et du système Decauville ; il établit sa ligne à la largeur normale des voies russes. Un peu plus tard, il transporta le point d'attache du port de Michailovsk à la rade d'Ouzoum-Ada, en eau plus profonde, pour éviter des transbordements qui eussent paralysé le commerce. Après l'annexion de Merv, le chemin de fer fut poussé jusqu'à cette ville (800 kilomètres), en 1885-1886.

Au-delà, on estimait le grand désert infranchissable ; le constructeur parvint à prouver le contraire, - en franchissant, - et, à la fin de 1886, la locomotive atteignait l'Oxus au village de Tchardjouï (1064 kilomètres). On crut de nouveau qu'il faudrait s'arrêter là ; jeter un pont sur ce large fleuve paraissait chose impossible. Il ne faut pas oublier que chaque pièce de bois, chaque traverse, doivent être apportées de Russie par la Volga et la Caspienne, dans ce pays

dénué de toute ressource. Le pont fut jeté. Le reste était relativement facile. La voie, construite en quelques mois jusqu'à Boukhara, vient enfin d'atteindre Samarcande, son point terminus jusqu'à nouvel ordre (1440 kilomètres).

Kizit-Arvât, 24 mai

Ma dernière lettre vous racontait notre départ d'Ouzounn-Ada, dans la soirée du 22. Celle-ci vous retracera, très sommairement, la physionomie de la ligne que nous parcourons.

Du sable, d'abord, durant les cinquante premières verstes. Le sable forme, sur tout ce littoral, la ceinture désolée de la mer, avant le désert d'alluvions qui commence au-delà. Le train serpente entre mamelons de poudre jaune, formations légères qui s'écroulent et se déplacent sans cesse au caprice du vent ; on s'étonne de ne pas sentir dans le wagon le roulis du vaisseau, tant les vagues sablonneuses qui nous portent ressemblent à celles de l'Océan, solidifiées pour quelques heures au moment d'une de leurs grandes tempêtes. Dans leurs lents mouvements, ces vagues sont plus perfides, plus meurtrières que les autres. On nous raconte comment, au début travaux, quatre soldats s'égarèrent à une petite distance de la côte ; le troisième jour, l'un d'eux revint en se trainant jusqu'au camp : ses camarades étaient morts de soif, en tournant sur place à la recherche de la route, à quelques portées de fusil seulement du bataillon. On ne put retrouver leurs corps : d'eux-mêmes les flots de sable avaient enseveli les noyés. Le grand problème pour l'ingénieur était de défendre contre cet ennemi insaisissable les trois cordons de fer qu'on lui abandonnait, les deux rails et le fil télégraphique.

Heureusement l'homme a trouvé dans cette lutte un allié végétal, le *saxaoul*. Ce petit arbuste intrépide, le seul qui sache vivre de si peu, croit en touffes buissonneuses jusqu'à la hauteur d'un mètre. Il fait maigre et souffreteuse figure, mais il a l'âme profonde qu'il faut aux solitaires du désert : des racines démesurées qui vont chercher un peu de fraîcheur dans les couches souterraines. Là où le saxaoul est en nombre, il fixe les dunes ; ailleurs, en attendant que les plants sortis des semis fassent le même office, on emploie ses branches avec succès. On dispose les tigelles en lits très minces, sur la crête du remblai qu'elles débordent

de quelques centimètres, sous la dernière couche de sable ; ce léger obstacle, interrompant la communication du mouvement aux couches inférieures, suffit pour prévenir le glissement du talus. On a essayé à divers endroits tous les autres moyens, palissades, clayonnages, revêtements de chaux, de glaise, de tourbe saline ; ces procédés, coûteux et rarement applicables, ont été abandonnés, quand l'expérience a fait reconnaître l'efficacité de l'humble saxaoul. Jusqu'à ce jour, la voie n'a subi aucun ensablement sérieux.

Le balayage après les grands vents est assuré par des cantonniers du bataillon, détachés de trois en trois verstes. Ils balayent ici le sable comme ils ont appris à faire pour la neige, sur les lignes du nord de la Russie. Ces sentinelles perdues gisent dans les trous creusés au flanc d'un monticule ; chaque train, muni de vivres et d'un wagon-citerne, leur laisse, en passant, de l'eau et des provisions. En dehors de ces postes-abris et des quelques maisonnettes de Michailovsk, - c'est la station, sur la dernière lagune de la Caspienne, d'où la ligne partait à l'origine, avant qu'on eût jugé préférable de la rattacher à la rade d'Ouzoun-Ada, - nous ne rencontrons aucun vestige humain, j'ajouterais animal, n'était le chacal qui profile parfois sa tête inquiète sur la crête d'un mamelon. Si, pourtant, encore quelque chose de l'homme : à deux ou trois reprises, une croix faite avec deux traverses de sapin émerge du sable, tout contre la voie ; c'est un soldat du bataillon qui est tombé là, mort à la peine ; quelque moujik d'Arkhangel ou d'Olonetz, peut-être venu si loin pour y dormir si seul. Seul, mais non pas abandonné ; chaque jour, dans ce train, la Russie passe, et comme elle jette une cruche d'eau aux sentinelles vivantes, elle jette une prière et un remerciement à la sentinelle morte ; elle touche un instant les os de son enfant et lui redit qu'il n'est pas mort pour rien, - puisqu'elle passe.

Un peu avant la station de Bala-Ichem, les sables cessent, arrêtés par l'éperon du Grand-Balkan. Cette montagne isolée dresse sa crête rocheuse comme une pyramide à l'entrée du désert d'Asie. Le chemin de fer s'engage, entre le Grand-Balkan et les premiers contreforts de la chaîne persane, dans un couloir où règnent constamment des vents furieux.

Nous nous rapprochons des montagnes frontières de la Perse, qui vont courir à notre droite jusqu'aux environs de Merv : le Kouren-Dagh d'abord, le Kopet-Dagh ensuite. A leur pied commence le désert d'alluvion, la table d'argile plate, nue, qui s'étend sur notre gauche à perte de vue, à perte de calcul, au Nord jusqu'à la mer d'Aral et la Sibérie, à l'Est jusqu'au plateau de Mongolie. C'est la plus large page blanche dans la création, le plus grand oubli du Créateur sur le globe. Dans la partie que nous devons parcourir, sur une longueur de 800 kilomètres, jusqu'au-delà de Merv, jusqu'au point où les sables reparaisent, la constitution géologique ne varie pas. A l'extrême horizon, un mirage continu nous fait voir un lac bordé par des forêts. La nuit amène d'autres illusions. Des flaques blanches brillent sous la lune ; ce sont les efflorescences salines qui recouvrent sur de vastes espaces cet ancien fond de mer. On jurerait de la neige, on croit se réveiller par miracle dans la vraie Russie, dans la steppe en janvier. C'est une sensation rare et folle, cette neige indubitable attestée par les yeux, tandis qu'une chaleur torride accable le reste du corps.

A partir de Kizil-Arvât, les oasis de l'Akkal-Tekké rompent de temps en temps la monotonie des aspects. Mais il faut rabattre ici du prestige de ce mot et ne pas lui donner le même sens qu'en Algérie. L'oasis de l'Asie centrale est par définition un point du désert qui ressemble à tous les autres, à cela près que les tamaris y sont un peu moins grêles, un peu plus rapprochés. Elle comporte quelquefois de l'eau, mais on vous prévient qu'il serait imprudent de s'y désaltérer. Dans les plus considérables de ces oasis, là où l'on rencontre enfin un vrai ruisseau d'eau véritable, on trouve des champs cultivés et quelques vergers d'abricotiers.

Je n'ai vu nulle part un arbuste digne du nom d'arbre, sauf sur les bords immédiats du Tedjen, la seule rivière qui prolonge son lit peu avant dans le désert, et qui finit, elle aussi, par y être absorbée sans laisser de traces. On comprend sur les lieux comment il a fallu apporter de Russie, en dépit des oasis, la moindre pièce de bois nécessaire au chemin de fer.

Jadis, une irrigation intelligente avait conquis à la culture presque toute la partie méridionale du Kara-Koum ; le pays de Merv n'était qu'un jardin. Les Turcomans y ont ramené la solitude, ils ont ensauvagé à nouveau la terre que leur barbarie dévastait. On estime qu'ils sont 130 000, ces nomades errant entre les pâturages de la Perse et leur ancien territoire, aujourd'hui russe. Nous apercevons de loin de petits groupes de tentes, rondes et coniques, faites avec des tapis de feutre tendus sur une carcasse d'osier. Les chameaux broutent les tamaris à l'entour. Sous la tente, un homme, une ou deux femmes, des enfants, dorment dans la fumée du feu de tourbe. Les hommes sont grands et forts, le type mongol accusé, l'air doux et tranquille. Ceux-là cultivent un peu de blé et de maïs, depuis qu'ils ne peuvent plus se livrer à l'industrie héréditaire, la razzia annuelle des voisins persans qu'on ramenait enchaînés en longues files, pour les vendre sur les marchés de Boukhara ou de Khiva.

Maktoum-Ali-Khan, le chef turcoman qui a dirigé avec tant d'intelligence et de courage la défense de Gœuk-Tépé est venu dîner dans notre wagon. Il paraît environ quarante ans, beau et sérieux ; sur ses traits fins, réguliers et bronzés, dans ses gestes nobles et mesurés, tout révèle la dignité native de l'Oriental, du chef de grande tente ; il parle peu, écoute, observe ; ses manières sont d'une aisance parfaite, à la table européenne. Pourtant il y a dans son regard comme un rayon brisé, dans sa voix comme un accent perdu, et l'on pense, en le voyant, à ces lions des jardins zoologiques dont le regard vous est resté comme un reproche. Cet homme qui a fait tuer tant de monde aux Russes, il n'y a pas huit ans, porte un élégant uniforme de colonel cosaque ; il a le grade effectif, il est chef du district avec des pouvoirs étendus ; en temps de guerre, il commandera une brigade indépendante ; ces jours derniers, il a mis aux arrêts un capitaine russe sans en référer au commandant de la province, et le Russe a subi sa punition. Voilà les effets rapides et surprenants de ce don d'assimilation que nous n'avons jamais eu en Algérie. Maktoum-Ali-Khan est le pendant de notre Abd-el-Kader, tout au moins des principaux chefs arabes soumis par nos armes : nous n'avons jamais osé tenter de pareils essais et fondre si hardiment les vaincus dans les cadres de notre commandement supérieur.

L'assimilation des indigènes est faite. Il reste à poursuivre la colonisation, pour remettre en valeur la zone de terre qu'on peut raisonnablement disputer au néant du désert. L'instrument de conquête, l'eau, ne manquera pas aux colons ; il leur suffira d'aller capter les sources au flanc des montagnes de Perse. Le constructeur du chemin de fer l'a déjà essayé avec succès pour les besoins de la ligne ; aux stations les plus rapprochées de la chaîne, les conduites amorcées aux montagnes alimentent dans le jardinet de la gare un jet d'eau très triomphal. Les Turcomans viennent faire leurs ablutions dans la vasque en écarquillant les yeux, et ce tour de magie a contribué, autant qu'un déploiement de baïonnettes, à leur prouver la puissance mystérieuse de la Russie.

En attendant le jour où l'on entreprendra une irrigation rationnelle, ce qui pourrait être un bienfait n'est qu'un fléau. Les cataractes se précipitent des sommets après les fortes pluies, elles passent comme une trombe sur ce lit d'argile durcie recuite par un soleil dévorateur. Nous sommes payés pour en savoir quelque chose. Deux jours avant notre passage, une de ces trombes a littéralement arraché 7 ou 8 kilomètres de la voie, entre Ouchak et Kizil-Arvât. Nous avons perdu sur ce point vingt-quatre heures. Mais je me trompe, perdu n'est pas le

mot ; aucun de ceux qui ont passé cette nuit dans le désert ne l'a regretté ; nous en garderons tous un souvenir ineffaçable.

Le train s'arrête à la 198-ème verste, près des tentes qui abritent la compagnie du bataillon des chemins de fer occupée à réparer la voie. On nous dit que l'opération sera terminée « tout de suite » ; mais nous connaissons l'élasticité de ce mot en russe. On descend dans le fossé les tapis, les bagages, on s'installe à l'ombre des wagons. Le campement est pittoresque à souhait ; les photographes photographiaient à cœur joie. Nous n'en sommes pas moins échoués dans le grand désert du Kharesm, sans trop savoir quand et comment nous en sortirons. Notre train, immobile au centre de ces horizons vides, paraît aussi petit, aussi dérisoire qu'un vaisseau désemparé en pleine mer. Sera-ce le radeau de la *Méduse* ? Nous n'avons pas de vivres. Mais les soldats en ont ! dit quelqu'un. Nous gagnons leur bivouac, nous fusionnons avec les hommes de garde ; ils partagent avec nous leurs quartiers de mouton et leurs oignons, ils nous prêtent des samovars. Le samovar, c'est la borne milliaire du Russe ; vous trouverez ce foyer portatif sur tous les confins asiatiques où un peloton a poussé sa pointe ; dès qu'il a pris possession du sol, on ne tarde pas à voir surgir autour du vase de cuivre une femme, des enfants, un embryon de colonisation.

Tandis qu'on cuisine gaiement à la *popote* du bataillon, les jeunes filles de notre troupe jouent aux barres ; leurs cris joyeux étonnent le désert. Dans le Kara-Koum ! Je lisais le matin, dans le livre de Vambéry, comment, en ces mêmes lieux, il y a peu d'années, les rares caravanes s'aventuraient en tremblant sur la route marquée par les squelettes des chameaux.

Une seule pensée est harmonique, ici : la pensée confuse de cet Azerbéïdjani qui passait devant nous dans le fond de la plaine, aux dernières lueurs du crépuscule, et qui est descendu de son dromadaire pour se prosterner vers la Mecque. Le pauvre homme s'oriente bien mal : un de nos compagnons va lui présenter une boussole et corrige sa position ; le musulman se laisse faire, sans écouter ni regarder, il continue sa prière. Il paraît démesurément grand, tout seul, là-bas, en colloque avec son Dieu. C'est, d'ailleurs, un phénomène qui nous frappe à plusieurs reprises ; manque de tout point de comparaison, et peut-être aussi par le sentiment que nous avons de l'absence totale de vie ambiante, chaque figure qui surgit nous apparaît disproportionnée, elle semble avoir accumulé toute vie disponible dans ces espaces. Vers le tard surtout, quand la lune s'est levée, projetant sur le sol gris des ombres longues et dures, une enfant qui marche dans sa clarté paraît si grande ! Elle a rassemblé toute sa puissance d'être en suspens dans ce vide, toute l'âme et la joie du monde. Soudain, des chants brisent le silence, partant d'une gerbe de flammes. Les soldats ont allumé un grand feu avec des broussailles de tamaris ; leurs silhouettes toutes blanches, dans les uniformes d'été, se découpent nettement sur le brasier. Ils forment le cercle, ils chantent, comme ils font chaque soir après le travail : des chants du village russe, tour à tour mélancoliques et effrénés. Les voix portent loin, rien ne les arrête, ouragan qui s'envole sur ces libres routes du vent ; elles semblent vouloir réveiller toute l'Asie, mais doucement, avec des cantilènes fraternelles qui ne la surprennent qu'à demi. Elles portent le défi de la Russie à la solitude, aux terribles forces élémentaires ; elles disent au désert qu'il est dévolu de plein droit à ces cœurs tristes et audacieux, qui lui reviennent comme à une patrie d'antan.

Nous venons de les voir à l'œuvre, ces soldats. Quels merveilleux instruments d'action ! Bons à tout faire, jamais las, toujours contents et dispos. Ils ont travaillé tout le jour, sous un ciel de feu, à la réfection de la voie ; le soir, ils chantent, et toute la nuit ils vont rouler nos vagonnets sur les traverses déchaussées, sur les poutres qui restent seules des ponceaux emportés ; la besogne n'est pas sans danger pour eux, ils la font avec une adresse de singe.

Les voici enfin qui arrivent, ces vagonnets dont on commençait à désespérer ; on s'empile par petits tas sur ces pyramides de colis, on avance lentement, on chavire de temps à autre ; les plus braves gagnent à pied, dans l'argile détrempée ; mais toute notre troupe est décidée à prendre gaiement l'aventure, et, d'ailleurs, qui n'aurait honte de se plaindre, devant l'énergie et la bonne humeur des soldats ? A l'aube, les vagonnets nous déchargent dans un lac de boue où la plupart des voyageurs s'endorment, recrus de fatigue. Nous avons plaisamment baptisé l'endroit : le camp de la Misère. Misère très supportable, somme toute ; mais il faut bien avouer que le service d'exploitation, substitué depuis un an au service de construction, n'a pas hérité de l'activité endiablée qui animait ce dernier. Il est équitable d'ajouter que ce premier tronçon, jusqu'à Kizil-Arvât, date de l'expédition de Skobelef ; il a fonctionné régulièrement pendant sept ans, jusqu'à la remise du service en d'autres mains.

Je pousse vers les tentes où campe la fraction du bataillon qui travaillait de ce côté de la rupture. J'y trouve les deux officiers qui font route avec nous. Tandis que nous attendions les vagonnets, ils avaient frété le chameau et les deux chevaux d'un marchand turcoman qui longeait la voie, et ils s'étaient lancés en avant, au petit bonheur. Ils sont venus tomber dans ce bivouac, comme il faisait encore nuit noire. Le capitaine de la compagnie les a accueillis. C'était un petit homme, doux et timide, avec une expression de simplicité et de bonté enfantines que je n'ai jamais vue à ce degré sur un visage ; un de ces types modestes qu'on rencontre dans toutes les armées, aux postes ignorés où la faveur ne va guère les chercher, et qui font penser au capitaine Renaud de *Servitude et Grandeur militaires*. Ce petit homme s'appelle le capitaine Ostalopof ; c'est lui qui mit le feu à la mine lors de l'assaut de Gœuk-Tépé ; son nom est légendaire au Turkestan, ses camarades le saluent avec respect, sans qu'il s'en aperçoive, peut-être, et sans qu'il sache pourquoi. Il n'entend pas un mot de notre langue ; mais il savait que deux officiers français faisaient partie du convoi en détresse ; il les a devinés dans les visiteurs que le hasard lui envoyait, il a couru au-devant d'eux ; je le trouve continuant une conversation animée, - par gestes, - rompant une croûte de pain avec ses hôtes et les accablant de prévenances.

Il a l'air si malheureux de ne pouvoir parler, pour dire les bonnes choses cordiales qu'on lit dans son sourire ! Les nôtres ne sont pas gens qui montrent volontiers leurs émotions. Qu'ils me pardonnent si je les trahis ! Leur impassibilité se défendait mal, cette fois, contre ce qu'il y avait de touchant dans l'aventure, dans cette rencontre nocturne, au fond du désert, avec ce frère d'armes héroïque et obscur, qui partageait son pain avec eux et leur serrait les mains sans les connaître.

Enfin ! Le train qui aurait dû nous prendre à Ouzoun-Ada stoppe devant nous. Le soleil est déjà haut d'une lance, comme disent les Tekkés, quand nous nous installons dans les wagons plus confortables. Et nous voilà partis pour Samarcande.

(à suivre)

Vicomte E-M de Vogüé
de l'Académie Française

PRINCIPALES DECISIONS PRISES AUX CONSEILS
TENUS AU PREMIER SEMESTRE 2013

- Elargir la Commission des Preuves présidée par le Prince D.M. Schakhovskoy à M.I. Katin-Yartsev et à O.V. Shterbatchev, tous les deux membres de notre association à Moscou.
- Inviter les membres du Conseil de la « Réunion de la Noblesse Pontificale » à assister à un moleben à l'église Saint-Séraphin-de-Sarov (rue Lecourbe à Paris) suivi d'une réunion de présentation de l'orthodoxie.
- Attribuer à ACER-Russie un don de 500 euros pour soutenir les activités de cette association dans le domaine social en Russie.
- Inviter quelques couples de membres éminents de notre association moscovite au dîner annuel 2014 et organiser le lendemain une visite du « Paris russe ».
- Réfléchir à la façon de commémorer le quatrième centenaire de l'avènement de la dynastie des Romanov par des conférences et des articles dans notre Bulletin.
- Acter les admissions dont la liste figurera dans notre Bulletin du premier trimestre 2013.

ОСНОВНЫЕ РЕШЕНИЯ,
ПРИНЯТЫЕ НА СОБРАНИЯХ СОВЕТА
В ТЕЧЕНИЕ ПЕРВОГО ПОЛУГОДИЯ 2013 года

- Увеличить количество членов Родословной Комиссии под руководством князя Д. М. Шаховского, приняв М. И. Катина-Ярцева и О. В. Щербачева, которые являются членами нашего Союза в Москве.
- Пригласить членов Совета «Союза Папского Дворянства» на молебен в храм Святого Серафима Саровского (рю Лекурб в Париже), а затем на собрание, на котором будет представлено Православие.
- Выделить РСХД – Россия на сумму 500 евро для поддержки деятельности этой ассоциации в социальной сфере в России.
- Пригласить несколько значительных пар, членов нашего московского отделения на годовой ужин 2014 года, а на следующий день организовать посещение « русского Парижа».
- Продумать, как отметить докладами и статьями в нашем Бюллетене четвёртое столетие вступления на престол династии Романовых.
- Зарегистрировать новых членов, список которых будет опубликован в нашем первом Бюллетене 2013 года.